

Александр Орлов

*Московский
кочевник*

Москва
Вест-Консалтинг
2012

Орлов А.

Московский кочевник. Стихи —
М.: Вест-Консалтинг, 2012. — 88 с.
ISBN 978-5-91865-128-5

Стихотворная книга «Московский кочевник» соприродна древнему, пропитанному духом византизма городу, видевшему за свою историю череду великих поэтов, городу, впитавшему их тени в свои мостовые. Этот город — книга, с улицами — строками, площадями — четверостишиями, с карминными листопадами и лилейными метелями, книга, которую каждый из поэтов пишет заново. Пришло время версии Александра Орлова.

Амирам Григоров

Автор признателен Дмитрию Сорокину за поддержку, оказанную при издании книги.

ISBN 978-5-91865-128-5

- © А. Орлов, стихи, 2012
- © С. Арутюнов, предисловие, 2012
- © А. Григоров, послесловие, 2012
- © А. Савченко, фото, 2012
- © Вест-Консалтинг, компьютерная верстка, макет, 2012

Под занавес, перед рассветом...

Mea culpa: мне слишком долго казалось, что даже малейшего отзвука гумилёвского начала в современной поэзии быть не должно, и лишь из-за вполне здравого, но мелочного по сути опасения, что подобная мелодика сегодня может показаться смешной.

Сегодня я как никогда ясно вижу, как ошибался: стихи Александра Орлова не только возможны, но необходимы, и прежде всего как свидетельство о стародавней, но крайне живучей «юнкерской психее», складе личности, при котором человек не просто повернут «назад», но вся его биофизическая химия располагаются к эпохе особым отфильтровывающим способом.

Вот ещё проблема: стихи средние и ниже среднего принято называть гумусом культуры. Но как при этом быть со стихами, вообще не попадающими в ротацию? Как быть с иконами, что выглядели настолько канонично, что выпали из канона? Кто бы знал имена тысяч и тысяч тех, кому поэзия просто светила, кого она просто звала в «иные области», из которых не возвращаются.

Лирический юнкер отличен от иных скитальцев духа тем, что его романтизм не хочет мириться ни с каким видом или родом современности, а более всего – с её поверхностно невнятной речью. Сбивчивость и косноязычие юнкера извинительны уж тем, что не являются предметами бойкой торговли. Орлов «зажат» в стихах ровно в той мере, в которой зажат стихами, в которой *пришёл из другой страны*. Более сму-

щённое антре не решилось бы даже приоткрыть дверь в бальную залу. В ней, скажу по чести, и вправду омерзительно: свалывшаяся пудра да запах пота. Любой забытый гарем Магриба в сотню раз чище и целомудреннее.

И потому – слава Создателю, что в поэзии есть стихи, держащиеся на плаву только любовью к стихам. Слава Ему и на том, что между поэтами и вправду встречаются натуры особого щегольства.

Их совершенно не пленяет будущее: их муза – История, её предания, подвиги, слежавшиеся в кожаных опалённых сумках ордена неведомых армий и сражений.

На единственной сохранившейся парадной фотографии Орлов изображён в гвардейском мундире с тонким золотым аксельбантом, мохнатой папахе, колониальных бриджах и высоких, пригнанных к ноге шнурованных сапогах. Пальцы правой руки касаются длиннейшего кремнёвого ружья, левой – планшета с невнятными картами и письмами к далёкой суженой (эти письма и составили книгу). Таким Орлова можно принимать или не принимать, осознавая при этом, что акт приятия или неприятия ровно ничего не изменит.

Кто он? Наёмник? Вольноопределяющийся? Отставник? Ни то, ни другое, ни третье. Ищущий доли и не находящий её. Причина одна: «малая родина».

Орлов, не шутя, обитает в Москве с духовным ликом аравийской пустыни, исчезающей на глазах как оплот славянства и начинающей новый, пугающий отсчёт бытия совершенно иного, буд-

то бы снова ордынского, как минимум – азиатского. Выплыв на время в европейские координаты, город снова погружается в безбрежную, самовластную топь Азии, становится её плотью.

Что будет с русской речью? Обратится ли она в малопонятный, уродливый суржик, останется ли за ней в недалёком грядущем хотя бы статус официальной?

*Загустевшая, липкая грязь
В сердцевину страны пробралась,
И парит над осенней Москвой
Листьев падших разгневанный рой*

– вот, наверно, тайная, но всплывающая на поверхность реакция поэта на очередное великое переселение народов, которому он оказывается невольным свидетелем. Реакция, в которой нет ни единой «ксенофобской» черты, только констатация факта: Москва перестает быть русской. Даже то, что в этих стихах Хармса с экрана читает великолепной психологической европейской школы актриса Хаматова, как бы само по себе вливается ещё одним штрихом в общую картину смыслов, нравов, настроений самой природы. Поэт не протестует: он констатирует.

Всё ушло, а было ли всерьёз?

На этот вопрос он ещё не раз ответит «да». Живы для Орлова святые, подвижники, воины – неисчислимая галерея героев, даровавших стране её судьбу. Осталось сверить себя с ними... и

здесь читатель сразу же и больно нарвётся на основной конфликт книги: о самом себе в щелочном растворе очередного бездарно сгинувшего поколения на фоне былой славы говорить зачастую неуместно и попросту жаль:

*Мы растеряли всё вокруг,
Самих себя не распознав,
И только юности испуг
Слезливо прятали в рукав.*

Ведь – посмотрим с холодным вниманием вокруг – никто из нашего поколения ни в чём так и не сбился.

Причины?

Положим, что плотным, как огонь во время взятия дворца Амина, был античеловеческий по природе своей «информационный фон». Допустим, нас не слышали, потому что сквозь адскую пляску живых мертвецов никто не хотел слышать человеческих голосов. Или? Или мы были ничтожны и малы для своего века. Ничтожны! И малы!

Это совершенно ужасное признание уместно сделать на последних страницах книги искусной, которую в другую эпоху заметили бы наверняка, а в эту она скорее всего пройдёт мимо читателя беззвучным торжественным маршем, как и сотни других, не менее значимых, совестливых.

Шуты, истерики, ловкачи – вот, пожалуй, и весь исчерпывающий список «нас». Те, кто сохранит рассудок лет через тридцать, будут изрядно удивлены извечным цивилизаторским, в чём-то конквистадорским стремлением вы-

братъ из каждого поколения по паре «лиц». Если бы мог, попросил бы: не надо.

Пустое это занятие, громоздить мифы из пустоты: мы сами себе и мифы, и пустоты. Никакой экзальтации. Покой и воля:

*Я сын громадных, вековых трущоб,
Рождённый под «Прощание славянки»,
И методом ошибок, чёрных проб,
Я собираю ветхие останки*

*Страны, которой больше не вернуть –
Господь навек детей её оставил.
И разъяснит грехопадений суть
В своём Послании Апостол Павел.*

Будущего летописца, ежели случится таковой, не грех остеречь дополнительно, так сказать, в нагрузку: имея дело с нами, не нужно, изображая нас, лепить радостные масляные пятна поверх незагрунтованного холста. Графика должна быть простой и жёсткой. Мы так жили. Мы жили так:

*Животная привычка выживать,
Усвоена жестокая наука...
Ушёл отец, и постарела мать,
Осталась перед Господом порука*

Осталась ещё и судьба, которую будут с разбойным придыханием ковать стихи, ещё не вошедшие в эту книгу. Стихи, ещё не написанные автором.

Сергей АРУТЮНОВ

АЛАЯ ТЕНЬ

* * *

Распахните мне окна пошире,
Там, на небе, свинцовые гири
Нависают бездомной тоской
Над Басманной, Ордынкой, Тверской...

Загустевшая, липкая грязь
В сердцевину страны пробралась,
И парит над осенней Москвой
Листьев падших разгневанный рой,

И всё хлещет дождливая зга,
Иней первый коснулся виска...
Я стою на Поклонной горе
В неучтённом году, в октябре.

Чистейшая новь

Вечер, стемнело, четверть девятого,
Слышно дождя уходящего дробь,
Хармса читает с экрана Хаматова,
Город заполнила снежная топь.

Гул эстакадный, мыслей слияние,
Ветер свистит из оконных щелей,
Не отыскать в темноте покаяние,
Мир ожидает морозных вестей.

Свежести зимней безумно захочется,
Засеребрится чистейшая новь,
Вьюга – старуха, седая пророчица,
К жизни трескучей меня приготовь.

Чужой

Мир могуч, не познан, не разгадан,
На окне наплывы божьих слёз,
А в углу дымит афонский ладан,
Всё ушло, а было ли всерьёз?

Убиваться мне теперь нет смысла,
Сожалеть о том, что не сбылось,
Память сохранит людей и числа,
С эпохальным игрищем мы врозь,

Сталинских времён моё жилище,
В двадцать первом веке я чужой.
Тех, кто выжил, раненные тысячи,
Да и те – потеряны страной.

Московский кочевник

Четвёртый десяток давно мне пошёл,
Бежит моё время, хоть плачь, хоть кричи,
По маме на четверть я хитрый могол,
По крови я родственник хана Джучи.

Киргизы, башкиры не платят оброк,
Оставлено царство, не снится Байкал,
И только в душе моей древний восток,
На тысячу лет я, увы, опоздал.

Я так же, как пращур, кочую в ночи,
На Ленинском мой коммунальный улус,
И племя моё – это вы, москвичи,
Наш прежний родитель – Советский Союз,

Корыстных наложниц распущен гарем,
Пощусь, причащаюсь, стал крёстным отцом,
Конину и сало я с радостью ем,
Пью чай из пиалы, люблю с чабрецом,

Из белого волка пошит малахай,
Люблю многолюдный весенний Арбат.
Столица – навеки мой избранный рай,
В Москве обитает степной азиат.

* * *

Вьюга сеет небесные крохи,
И растёт новоявленный год,
В разночинной людской суматохе
Жажда света и мира придёт,

А вокруг только снежные кряжи,
Древний город в сугроб превращён,
В магазинах царят распродажи,
Серебрится морозный озон.

Пролетают мгновенно, незримо,
К торжеству оглашенных зовут
Загулявшие два Херувима:
Рождество через десять минут.

* * *

Ирине Сорокиной

Мы к этим встречам вечно не готовы.
Под солнечный дождя полиелей
Осиротеют горы Воробьёвы
В изгибах отуманенных ветвей.

Неясности в смиренье ощутимы,
Неведомо о чём, но свысока,
Беседуют в зарницах Серафимы,
И отражает их Москва-река.

И кажется, что это только снится,
И ветер напевает дням псалмы,
И Светлая Пасхальная седмица
Спасает нас от годовой чумы.

* * *

Вот солнца вечернего сколы
Пронзают червлёную тьму,
В закате укрылись Престолы,
И день превратился в золу.

Я чувствую скорость эпохи,
Живу в круговом полусне,
Ищу в кольцевой суматохе,
В дремучей людской толкотне.

И в жадной циничной рутине,
В боязни вселенской нашёл
Утром, в ольховой лощине
Солнца вечернего скол.

Арарат моей мечты

Сергею Арутюнову

Когда всё это началось?
В тот год мы падали в обрыв,
Скрипела в такт земная ось,
И дна удушливый призыв
В дождях разнёсся над землёй,
И хлынул дьявольский поток,
Нас всех спасал премудрый Ной,
А мир был жалок и жесток.
Она и он, и я, и ты
Мечтали спрятаться в ковчег,
Устав от брэнной маяты,
Переходя с ходьбы на бег
Мы растеряли всё вокруг,
Самих себя не распознав,
И только юности испуг
Слезливо прятали в рукав.
Когда дымился в сердце стыд
За безрассудства пылких лет,
Надеялись, Господь простит,
Излечит боль анахорет.
И вышней милости глоток
Мы донесём до райских врат,
О, если б каждый только мог
Тебя найти, мой Арарат.

Седой шалфей

Александр Сергеевичу Орлову

Субботой пахнет воскресенье.
Звонков хмельных никто не ждёт.
Моё прощальное стремленье –
Спалить игольчатый омет.

Сверкнули дни ретиво, грубо.
В кольце играющих теней,
Как «Расточитель» Сологуба,
Заката ждёт седой шалфей.

Сыграло солнце с тучей в прятки,
И просвистел болотный лунь.
И влаги жалкие остатки
Размыли в памяти июнь.

* * *

Запах осени влажен и едок
От горящей листвы и дождей,
И попросит она напоследок:
«Ты меня не бросай, пожалей».

Я тебя не бросал и не брошу,
Круглый год на душе листопад,
И небесно-сермяжную ношу
Рваных туч я таскать только рад.

Я с тобой распрощаться не вправе,
Я всем сердцем тебя полюбил.
Век застыл на Калужской заставе
В серой дымке небесных кадил.

* * *

Мне кажется, я в мир прозрачный врос,
И сердце заполняет мерзлота,
И я не тот, и ты уже не та,
Я превращаюсь в ледяной торос,

И дни мои как будто сочтены,
Клубится и мерцает снегопад,
А голос мой всё так же хрипловат...
Зимы прикосновенья холодны.

В который раз меня пронзает дрожь,
Нас обвенчали вековые льды,
Мы оба виноваты – я и ты,
И я всё жду, когда же ты уйдёшь.

9:00

Идёт, размечтался, фланёр неуклюжий,
Бежит, спотыкаясь, таджик-почтальон,
А солнечный луч растворяется в луже,
Ингушка открыла цветочный салон,

Шумит детвора на спортивной площадке,
Монах созерцает клокочущий мир,
Толпится народ у фруктовой палатки,
А в храме священник выносит потир,

Спрессованы люди в вагонах подземки,
Изгибами судеб проложен тоннель.
И смотрят пугливо девчонки-туземки,
Столицу овеял пасхальный апрель.

Таро

Чьей-то подлостью меряешь совесть свою,
Незапятнанным хочешь остаться в итоге,
Исполняет *Дар Стрейтс* композицию «Ю»,
Обновляют весь мир вездесущие блоги,

Мегаполис бурлит, всё своим чередом,
Только ты с неохотой исчезнешь в метро,
Утопает Москва под июльским дождём,
Твой маршрут не указан на картах Таро.

Управляет тобой искромётная блажь,
Никому ты не веришь давно уже так?
Вот газетный клочок, турникет, карандаш,
Нарисуй и порви вопросительный знак.

Восклицательный знак, он тобой позабыт?
Да и точку поставить ещё не дано,
Ты так хочешь уехать, найти древний скит,
Только лето приводит на пляж в Строгино,

Только совесть твоя не молчит и не спит,
Наставление услышишь сквозь поезда рёв,
Подаянье попросит косою инвалид,
И припомнится вечно живой Гумилёв.

Только Богу знаком твой решительный ход,
На журнальной обложке себя узнаёшь,
Незнакомая девочка вирши прочтёт
И полюбит твою потаённую ложь.

* * *

Долгих ливней бесцветная хлябь
Заливает покинутый сад,
День осенний, давленье ослабь,
Обвиняй, если я виноват.

В ярких листьях, в понурости туч,
В одиночестве, в лужах, в тоске,
Сад пурпурный пустынен и жгуч
И зажат в ядовитом дымке.

Мне языческий сад не забыть,
Он багрянцем весь мир обожжёт,
На закат мне захочется выть,
Чтоб краснел от стыда купород.

* * *

Надежды на тебя я возлагал,
Ты становилась ближе и родней,
Заснул вдали Хамовнический вал,
В ночи сияют маковки церквей,

До Новодевичьего нужно мне дойти...
Окутан лунной дымкой монастырь,
Но только ты, пожалуйста, учти,
Я исходил задумчивую ширь,

Тебя искал, сомненьям вопреки,
Тебя затворник Илий мне предрёк.
Ведь где-то, в ломких линиях руки,
Я вечно счастлив, я не одинок.

Анфас

Холод. Зима. Выходные.
Пьяная вдрызг колея.
Ползают тени слепые,
Где задержалась моя?

В красно-коричневом пекле
Делим себя пополам,
Тени от света ослепли,
Стали покорны годам.

Времени мы непокорны,
Тени для нас не указ,
Грязно-отчаянно чёрный
Ползает чей-то анфас.

Тени, вы ночью прозрели
Рядом с обыденной тьмой,
Пали в чужие постели...
Холод. Зима. Выходной.

* * *

Снегом плачет моё пальто,
И ручьями стекает грусть,
Позвонить бы Марине Вахто,
Почитать ей стихи наизусть.

Ты не жди, не пиши, не звони,
И о нас вспоминать перестань,
Забывай листопадные дни
И стихов раскалённую скань.

Мы друг друга уже не простим,
Всё что было, давно сожжено,
Не рассеется прошлого дым,
Я поеду к другой в Люблино.

* * *

Сергею Арутюнову

Как хочется куда-нибудь уйти
И затеряться среди павших гуннов.
Который час? Да около шести,
И пишет мне *вконтакте* Арутюнов.

Он извещает: «Нам давно пора,
Нас ждёт раздолье в солнечном Урарту,
В Москве заботы, снежная кура,
Вам Бог оставил компас, а мне карту.

Я знаю у подножья лунных груд,
В чащобе мельхиоровых законов,
Жилище, лавка, на которой ждут:
Шаламов, Бек, Тарковский и Платонов».

* * *

Дует ветер с размокших болот,
Изливает свистящую влагу.
Он застудит в дороге бродягу,
И застывшую жизнь оборвёт,

Захлестнёт леденящий потоп
В акватории топкого ила,
Обогрела весна, защитила,
Излечила от бед и хвороб,

Растекается жаркая падь,
Убегают и плачут метели,
Под лучами сугробы осели,
И даровано время прощать.

Андреевская набережная

А над Лысой горой всё кружит пустельга,
Опоясан туманом Андреевский пруд,
И в кромешном приволье мерцает шуга,
Над Москвой облака в белых ризах плывут.

Суэта, беспокойство в движенье гагар,
И прощается с миром небесный намол,
А весной загуляют здесь тысячи пар,
Побежит детвора в Лужники на футбол.

Я смотрю на озябший и клейкий пустырь,
А вокруг только блёклого снега бадья.
Стратилата Андрея заснул монастырь,
Может, в солнечный день здесь я встречу тебя?

Нескучный сад

Упиться изгойством так хочется мне,
Уйти ото всех, восседать на скамье,
Там, в дебрях ветвистого парка,
Где бродит печально овчарка,
Где солнца наряд – золотая парча,
Где ветер шумит языком толмача,
Где сладостным запахом душист имбирь,
Где сердце псалмами поёт мне псалтырь,
Где тёмная ночь – прозорливый чернец,
Где тайны скрывает Нескучный дворец.

* * *

Я увидел тебя, стал, как хищник, проворен.
Откровенность порочна, пощады не жди.
Я спокоен, циничен, как брат мой Печорин,
Как Леонтьев, Васильев, Рубцов, Саади.

Монолог беззаботный пропитан свободой,
Разных женщин в узде я умею держать,
И в кабацком чаду похоть смешана с модой,
А родная Москва, как большая кровать.

Вожделенное утро, выходим, болтаем,
Поджидает у входа таксист Азамат,
Ты заманишь к себе абрикосовым чаем,
Ты живёшь далеко, уезжаем за МКАД.

* * *

Кидает мокрый снег бегущая зима,
Мгновенно тают водяные хлопья.
Ты смотришь ненавистно исподлобья...
И сходишь потихонечку с ума, –

Осудишь ты меня? Скажи – за что?
Летающих дней увесистая наледь
Растает на изношенном пальто,
Весне ошибок зимних не исправить.

В осенний день, гуляя по Москве,
Увидимся на Бронной в полседьмого,
Извилистыми строчками Чиннова
Мы оживём в оранжевой листве.

* * *

Амирану Григорову

Мёрзлый пар опускается ниже
В тишине над крещенской волной.
Ты читаешь стихи? Это Рыжий,
Потерявший навеки покой.

Темень лютая дышит в затылок,
Омертвелой становится прядь,
Уходящий отчаянно пылок...
Кто осмелится душу взыскать?

Всё сочельника таинство ближе...
В иорданскую млечную тишь,
Пусть воскреснут Есенин и Рыжий!
Вседержитель, о чём Ты молчишь?..

Кисс

А. Щ.

Здесь солнце ветками распято,
И слышен сингл группы *Кисс*,
И мы идём куда-то вниз,
Как те, ушедшие когда-то...
И ты немного виновато
Заметишь, как закат раскис,
И солнце ветками распято,
И я в безлюдье хрипловато,
Сквозь толчею у кассы МХАТа,
Замечу, нам не нужно виз
В страну вишнёвого заката
Как тем, утраченным когда-то...

Осенний мотив

Слышу, где-то играет *Дип Пёпл*,
И в чернильной завесе небес
Кто-то *так* восхищённо захлопал,
Проявляя живой интерес.

Переполнились листьями лужи,
Я в октябрь опрометчиво врос.
Очень скоро столицу завьюжит –
Осень спешно живёт на износ.

А пока – пусть играет *Дип Пёпл*,
С неба проседь на землю ползёт,
Как ребёнок, я плакал и хлопал...
Но играл мне уже *Депеш Мод*.

* * *

А. Щ.

Раздаётся: «Постой! Обернись!» –
Этот окрик надрывный вдогонку.
Озираясь, как хмурая рысь,
Прытким шагом сверну на Волхонку.

Захрустит подо мной серый наст,
Словно чувства мои упреждая,
Мне февраль эту ночь не отдаст.
Хищных мыслей сварливая стая

Заснуёт в переулках Москвы,
Заурчит, и в пустой подворотне,
Не найдя адресата, увы,
Испарится в прозябшей Копотне.

* * *

А. Щ.

Я, как солнце, явился с Востока.
Ждать меня не устала, скажи?
В мельхиоре застыла осока,
Обветшали мои платежи.

Что молчишь? Или ты не узнала?
Я любовь приводил под уздцы.
Звёздных туч разрывал покрывало,
Видишь – в радуге наши венцы,

Для меня ты свободы превыше,
Я застал тебя, видно, врасплох.
Хлещет морось. Нас двое на крыше.
Нас венчает непознанный Бог.

Вертиго

А. Щ.

Послание твоё – четыре слайда.
И «Вертиго»¹ играет мне Ю Ту.
Я брошу всё, уеду на Хоккайдо.
Мне оставаться здесь не вмоготу,
И те полгода были не случайны.
Мы не исчезнем, как исчезли айны².
И то, что бушевало между нами –
Торнадо, смерч, тайфун или цунами, –
Останется, и ты узнаешь вскоре –
Лавандой отцветает парк Одори,
И облако в сиреневой рубаше
Нас унесёт к цветной горе Асахи.
Соединят нас бархатные зори.
Я остров, затонувший в этом море.

1 Ирландская рок группа U2 (Ю Ту) в 2004 году выпустила альбом под названием «Вертиго» (Головокружение).

2 Айны – древняя исчезающая народность на острове Хоккайдо.

Харакири

А. Щ.

Пугливых дней сомнителен тупик.
Как ронин забывал о самурае,
Так от тебя, желанная, отвык –
Ты не со мной в пуховом пёстром мае.

Кипящий воздух с привкусом сакэ
Принёс посланье в стиле Мураками,
И я брожу в подземном парнике,
Забыт людьми, тобой, и поездами.

Пишу ответ и скверно хохочу, –
На грубый плач сбегаются зеваки,
Я – пьяный Покимоша Пекачу,
Твоя любовь – как бомба в Нагасаки.

Я не могу погибнуть, как Рамзай¹,
Я не умею делать харакири,
Я расцвету, как в мае молочай, –
Пятном лимонным в изумрудном мире.

¹ Рамзай – агентурный псевдоним героя Советского Союза Рихарда Зорге

Малахитовый просвет

А. Щ.

Промчались первое, четвёртое, седьмое...
Пропахнет август горечью алоэ,
И летний вечер в осень поплывёт,
А проводник, ну вылитый Пол Пот,
Всё говорит, но это всё без толка.
Билет, вагон, купе, поклажа, полка...
Мир тронулся? Нет, уезжаю я.
И лунный отблеск падает плашмя.
В янтарной дымке осовелый сквер,
Я пробираюсь, словно красный кхмер, –
Есть отчужденье, а прощенья нет.
Струится малахитовый просвет,
И я взлетаю, и в созвездье Льва
Желтеют мысли, чувства и слова.

Оливковые даты

Амираму Григорову

Дружище, мне посланье напиши,
Мне встретиться с тобой необходимо.
Осенний день с ухмылкой Чан Кайши
Решительно свернул на Россолимо.

Остановиться? Нет, идти за ним!
Уверенно, без страха, без оглядки,
Я каждой встречей жадно одержим,
Мелькают купала, кафе, палатки...

День обернулся, закричал: «Отстань!»,
И зашумели листья-азиаты,
Уходят дни в Камбоджу, на Тайвань,
Сдаются в плен оливковые даты.

Бежать за ним? Кричать ему вослед?
Реветь, как ливень, без стыда, без соли...
Звезде раскосой прошепчу: «Привет».
И заночую с ней в Девичьем Поле.

Ханамати

Как пахнет листва опечалено, пряно...
Такси уезжает из Тёплого стана.
Мне вечер казался тоскливым, темнейшим,
А осень предстала задумчивой гейшей.
Как взор её нежен, улыбчив и светел!
Он синей глазурью дорогу разметил.
И дождика отзвук притихший и тонкий.
В нём нежный напев долгожданной японки...
В объятьях желанной и верной майко¹
Рябинам и вязам без кроны легко.
О чём это я? Грёзы в жёлтом некстати.
Вот площадь Гагарина – мой ханамати².

1 Майко – гейша.

2 Ханамати – «город цветов» район постоянного проживания гейш.

* * *

Распятые ветхое в оконной белой раме
Напоминает: будет и ответ.
Я написал в церковной телеграмме
И отослал в небесный Назарет.

О драках, пьянках, женщинах и смерти...
Что я разбойник, мот и словоблуд,
И что ко мне захаживали черти,
В пустой душе искавшие приют.

Я грешный раб, слуга, я повинуюсь,
Я причинил так много людям зла,
Я и сейчас от гордости беснуюсь,
Рождённый двадцать первого числа.

* * *

Свобода дикая, вульгарности любимица,
Я никогда тебя не предавал,
В последний раз трактир со мной обнимется,
Уединенья кончен ритуал.

Глаза блестят у ласковой избранницы,
Я рвусь в желанный эфемерный плен,
Ведь до неё все были чужестранницы,
Актрисы из грошовых мизансцен.

Мой холостяцкий век сгорит, развеется,
К ногам любимой припаду без сил,
И сердце к сердцу намертво приклеится,
Освобождает мир чумных кутил.

* * *

Алексею Башкатову

Да хватит по плечу, дружище, хлопать,
К нам не летит Архангел Гавриил.
Табачный дым, как вековая копоть...
Давай помянем тех, кто не дожил,

И пусть рыдают в горе телефоны,
Извечные предвестники беды,
Заучим покаянные каноны,
На небе Вседержителя следы.

И в необъятном васильковом мире,
Где солнце укрывается луной,
Где месяц одинокий, словно Мцыри,
Мы спасены рубиновой звездой.

Дымчатый снег

Тягучих исканий чернильный поток:
Рожденье, столетье, стихи, некролог...

Зальёшь окаянно-гремучих полста,
Найдёшь на просторе такие места,

Где воздух свободен, продажен и свеж,
Коричневой наводью полон Манеж,

За три кумачово-ненужных вопроса,
Заметят и скосят, сожгут, словно просо,

На Язузу падает дымчатый снег,
И нет Богомолова, Слуцкого, Бек...

Задиристый фарс

Напиток пшеничный палящего вкуса
Осядет в глубинах ранимой души,
И я со стыдом вспоминаю Иисуса,
И черти горланят: «Давай, согреси».

Измерил я стопками жизни мгновенья,
И странно кому-то, что я ещё жив,
Задиристый фарс я назвал точкой зренья,
И мне предложили на выбор тариф,

И сколько же стоит моя буффонада,
Расценки за совесть, за правду, за ложь?
За каплю елея, за ложечку яда...
А сколько за смерть, незнакомец, возьмешь?

Заказчик внимательный смотрит сурово,
Ему неприятен мой клоунский трёп,
Он молвил надменно: «Наверно, готово»,
Разметив зелёной морщинистый лоб.

58-ая

Памяти Варлама Шаламова

Сохранил меня Христос,
Вышел я из БУРа,
В маму чёрен да раскос,
Жгучая натура.

Льдом покрылся мой бушлат,
Ноет поясница,
Руки вымыл, как Пилат.
Воля только снится,

Ах, барак ты мой, барак...
Сердце – рваный парус,
Изодрал меня ГУЛАГ,
Мой четвёртый ярус.

Суки, урки... наплевать,
Завалюсь на нары,
Выше воровская рать,
Износились шкары.

Долго мне ещё сидеть,
Пятьдесят восьмая...
Заболотистая мреть
В двух шагах от рая.

Явь

Я сын громадных, вековых трущоб,
Рождённый под «Прощание славянки»,
И методом ошибок, чёрных проб,
Я собираю ветхие останки

Страны, которой больше не вернуть –
Господь навек детей её оставил.
И разъяснит грехопадений суть
В своём Послании Апостол Павел.

Мне снятся Воркута, Смоленск и Ржев,
Могильник, затаённый в снежной чаще...
От снулой яви утром ошалев,
Я понимаю сон мой настоящий.

Алая тень

«Распад атома»

Георгий Иванов

Ива́нова читал я до утра,
Октябрь красный в дверь мою стучится,
Побагровеет в лужах снежура,
Меня проводит плачем половица,

Распался атом – тысячи причин
Такому богомерзкому явлению,
Алеей кармазиновых осин
Двадцатый век ступает алой тенью.

А снег искрится, падает ничком,
И в гомоне столичного колодца,
В брусничной туче – желтоватый дом,
Где свет медовый из оконца льётся.

* * *

Александр Павлович Орлову

Серебряным налётом бахрома
Окутала сплетённые каштаны,
Заснежены проспекты и дома,
Всё реже на скамейке ветераны

Проводят в откровениях часы,
Их разговоры разнесутся эхом
Мгновенья до ничейной полосы,
И сталевар обнимется с морпехом,

Они уйдут, прощаясь со двора,
Мне ветеранов не поздравить в мае,
Всё позади – война, и немчура,
И песня та о журавлиной стае.

* * *

Александр Павлович Орлову

Всё клубит на Вавилова ТЭЦ,
Подношу рюмку водки ко рту,
На тарелке остывший тунец,
Я не в силах сдержать маяту,

Пахнет влагой чистый четверг,
И в сумятице хнычет душа,
Вспоминает сержант Кёнигсберг
Гибель роты и свой ППШ.

Атакует он вновь цитадель,
Обрывается сиплая речь...
В этот жаркий победный апрель
Навсегда суждено ему слечь.

Монастырская роща

Солнце в шарлаховой схиме
Укрылось лесами густыми.
И день с полыхающей ношей
Свалился в дремотной пустоши.
Мгновенья казались мне пищей.
И август, холодный и нищий,
Рыдал так надрывно и дико.
И в зарослях волчьего лыка
Пустынник, седой черногорец,
Поэму читал Юнны Мориц.
И в звёздный покой серебра
Слова уносила Жиздра.

Памяти отца

Владимиру Орлову

Двор пятнами застывшими покрыт,
Февральский холод потаённо вреден,
Судьба играет, как процентщик-жид:
Сегодня я богат, а завтра беден.

Животная привычка выживать,
Усвоена жестокая наука...
Ушёл отец, и постарела мать,
Осталась перед Господом порука,

Отец покоен, я к нему приду,
Молитвами заступника Уара¹,
В пасхальный миг, в евангельском году
В Сион ворвётся ангельская пара.

¹ Святой мученик Уар. К его предстательству прибегают, испрашивая ходатайства о здравии младенцев и малолетних детей, некрещёных и неверных.

Ворота покоя

Падает в бурю наводь
С туч ледяная пыльца.
Хочется в омуте плавать
И отыскать в нём отца.

Тьмы ненароком коснуться
Времени наперекор,
В лунное мертвое блюдо
Влить пробужденья кагор.

Падать, себя разрывая
Каплей, упавшей с луны,
Перед воротами рая
Ночи и дни сочтены.

Верой очищенных смотр...
Услада? Отрада? Покой?..
Ключник, задумчивый Пётр,
Поговори же со мной.

Письмо маме

Ирине Медовниковой

Ты прости, я ведь был грубоват,
Становился обугленной тучей
От природы безмерно кипучей
И от чистых больничных палат,

Где не раз меня шили, латали,
Я заплатами стал знаменит,
Уходил в искаженные дали,
Причиняя страдания и стыд.

Каждый миг без прощенья распят,
Я готов к предъявлению счёта,
Исцеляющий взгляд из киота,
Не забудет, как был грубоват.

* * *

Константину Михайловичу Медовникову

Прочитав «Колымские рассказы»,
Крупнолистовой варю чифирь,
Опасаясь лёгочной заразы,
Мысленно читаю я псалтырь.

Ожеледь в душе моей таится,
Въелся в память давний разговор, —
Всё мечталось деду причаститься,
Он ушёл в заоблачный притвор,

В трапезной давно ему накрыли,
Встретил старца Симон Кананит...
На его некошеной могиле
Распинает внука едкий стыд.

Плѣс Милосердия

Время исчезло, спрошу: «А ты где?»
Может, скрываешься в Белой Орде?
Ты исчезаешь, надменно спеша
В степи Поволжья, в приток Иртыша.
Мне за тобой не угнаться никак –
Годы мои проросли, как типчак.
Знаешь, я к жизни раздольной привык –
Богом с рожденья дарован ярлык.
Я за тобой тороплюсь, и вослед –
Счастья проливы, и реки из бед,
Отмели лжи, и вражды пережат,
Мели сомнений, болота утрат...
Время уносит извечный вопрос:
Где отыскать милосердия плѣс.

* * *

Провожает седой пономарь,
Раздаётся дождя перезвон,
И коптит листопадная гарь,
Под ворчанье настырных ворон.

Вдалеке запорошенный скит,
Застывает дорожный настил.
Осень падшую кто защитит?
Я надеялся, верил, любил,

А в итоге декабрь, дожди,
Дней скользящих дырявый намёт.
Поучал меня схимник: «Ты жди,
Счастье в двери внезапно войдёт».

Не хочу, не умею я ждать,
В тишине замирающих луж,
Омертвелая снежная гать,
Ожиданье – премудрая глушь.

Православный нойон

Сквозь улицы, площади, парки и скверы
Стремятся успеть мои мысли-нукеры¹ –
В две тыщи десятом тягучем году
Им нужно собрать всех желаний Орду.
И в этом скопленье изменчивых дум
Мой путь через годы к желанной хатум².
Создателю мира служить я хочу –
Ни ханам подкупным, ни псам карачу³,
Со мной сговориться не могут никак
Ни жрец заклинатель, ни алчный баскак⁴.
Я ширью московской с рожденья крещён,
Во власти Христа православный нойон⁵,
Спаситель, лукавому Русь не отдай,
Здесь предков могильник, друзей курултай⁶.

1 Нукеры – дружинники или друзья феодалов-нукеров.

2 Хатум – избранница, любимая женщина, жена.

3 Карачу – общинники – скотоводы у монголов.

4 Баскак – представитель хана.

5 Нойон – светский феодал в Монголии.

6 Курултай – съезд монгольской знати.

* * *

Ты не знаешь как лучше, как хуже,
Волю Бога познать не дано,
Светит солнце, зажатое в луже,
За тебя уже всё решено,

Заполняешь мирские пустоты,
Изнываешь от бросовых бед,
С кем-то сводишь вчерашние счёты,
Причиняя надуманный вред,

Занимаешь свободную нишу
Где уже до тебя кто-то жил,
Словно поступь я вижу и слышу –
Скрип ступеней, изломы перил.

Эта лестница в ясную бездну...
Ты решил, так иди же, вперёд...
Даже если во тьме я исчезну,
Он услышит, простит и спасёт.

**ФИАЛКОВЫЙ
ДЫМ**

Вороний хиджаб

От Москвы я за тысячи миль
В мире торга, обмана и шума,
На базаре ширазском Вакиль,
В духоте из шафрана, куркума...

Покупаю кашанский ковёр,
Портмоне, намакдан¹, и кувшины,
Но иранки нечаянный взор,
Превратил моё сердце в руины.

Я увидел вороний хиджаб²,
Укрощённую поступь, осанку,
Я смутился, застыл и ослаб,
Захотелось украсть персиянку,

Подарю ей оазис любви,
Горы Чехель, Магам и Дерак,
О такой не мечтал Гянджеви,
Её сердце горящий очаг.

1 Намакдан – тканые сумки, которыми пользуются кочевники для хранения продуктовых запасов.

2 Хиджаб – это одежда мусульманки, покрывающая все её тело, за исключением лица и кистей рук.

Садык

Чай с дороги гостю поднеси –
От моих визитов ты отвык,
Обучался долго я фарси,
Что, не узнаёшь меня, садык¹?

Был я в Тегеране и Габе,
Видел Кум и посетил Наин,
Благодарен Богу и судьбе –
Пеших странствий неуёмный сын.

Будет долгим русского рассказ,
Бори² мы раскурим на двоих,
Полюбил я нефтяной Шираз,
Ночью, когда гул дорожный стих.

Постели мне шерстяной ятак³,
Подложи под голову пошти⁴,
Хной насыщен бархатистый мрак,
Я вздремну, скитанья позади.

1 Садык – в переводе с фарси означает друг.

2 Бори – разновидность кальяна на востоке.

3 Ятак – ковёр, который служит матрасом для кочевников.

4 Пошти – плетенная диванная подушка в Персии.

Эфа

Уходишь? Прощай, моя пёстрая эфа,
Твой дом каменистый бархан,
Блудница пустыни, частица рельефа,
Хранишь ты от гнева Иран.

Запомню навеки кубовые дали,
Ущелье, где были с тобой,
Мне горы дорогу к тебе указали,
Пустынь обжигающий зной

Меня провожал, обещал я вернуться,
В том клялся злой ветер теббад,
Не мог я, без слёз, уходя оглянуться:
Змея призывала назад.

Памяти Кайса

То чувство как хочешь, мой друг назови
Всех лучше его описал Гянджеви...
И мне в этой бледной, унылой дали
Мерещится образ прекрасной Лейли.
А ветер-ревнивец, безумный гармсилъ,
Развеял тот образ в тоскливую пыль.
Молю об одном, Аррахим! Аррахман!
Верни этот образ во множество стран,
Заложник любви вечно светел и юн:
Ведь в каждом мужчине томится Меджнун.

Занджан

В паспорте – просроченная виза,
На плече с подарками – хорджин¹,
В смолянистых сумерках Тебриза
Одинокий, словно Насреддин,

Тороплюсь, затменье обгоняю,
И в карминных отблесках зари
Девушку случайно замечаю,
Дочь торговца в белом русари².

Утром ранним на пороге дома
Я занджан³ случайно повстречал,
Иноверцу ты давно знакома,
Солнце, словно золотой риал⁴,

Севевидов город освещает,
И в лучах алеет мушмула⁵,
Тьма на сердце постепенно тает:
За собой меня ты позвала.

1 Хорджин (хурджин) – сдвоенные дорожные мешки, используются кочевыми племенами как заплечные или седловые.

2 Русари – головной платок мусульманских женщин.

3 Занджан – буквально означает «любимая жена» или «любимая женщина».

4 Риал – денежная единица в Иране.

5 Мушмула – чашковое дерево, род листопадных растений, плодноносное.

Джучид

Мысли о тебе, моя морока.
Третий день читаю я Руми.
В Хорасане громком одиноко,
Не спасают новости из СМИ.

Как ты без меня живешь – не знаю.
На молитву всех зовёт мулла.
Голубей почтовых заклинаю:
Передайте, чтоб она ждала.

Тянутся в сомнениях недели,
Распустился и отцвёл самшит,
Ночи в пустоте осиротели...
Подливает водки хитрый гид.

За тебя от скуки выпиваю,
Ангел мой покой твой сохранит.
Сообщений ревностную стаю
Высылает в ярости джучид.

Пленник Гюлистана

С дервишем чеканщик, зазывала...
Сбор мужчин в ширазской чайхане,
Персия объятья раскрывала,
Чужака лаская при луне.

Чай байховый в армуды¹ разлили,
На столе сухан, халва, нуга²,
Вслух читали бейты, говорили...
Ночь алмазной синью дорога.

Свежестью повеет с гор Загроса
Раскурю дарованный джаджир³,
Нет во мне тоски, любви, износа –
Роз вишнёвых приглянулся мир.

Я навеки пленник Гюлистана⁴,
Жил здесь Фирдоуси, жил Хафиз,
В ночь цветенья ильма и платана
К звёздам устремился кипарис.

1 Армуды – специальные узенькие сосуды грушевидной формы для чаепития.

2 Сухан, халва, нуга – восточные сладости.

3 Джаджир – разновидность кальяна.

4 Гюлистан – переводится как гюль (роза) стан (страна).

Ностальгия

Роману Ненашеву

Всей жизни моей беспощадная спешка
Стремлений, ранений, измен и потерь...
Я вновь загадаю: орёл или решка –
Уеду в Хартум, Дюссельдорф или Тверь.

Быть может, затмение сегодня случится,
А, может, не будет его никогда.
Ты веришь в меня? Моя жизнь – небылица,
И смотрит с укором Всевышний Омда¹.

И вот в караван запрягаются тучи,
Я долго смотрю в парабеллума ствол,
И вечер, хмелящий, пыливый, горячий,
Обнимется с тенью и рухнет на пол.

Тебя вспоминаю. В облезлые рамы
Вползает России фиалковый дым.
И неба черничного звёздные ямы
Меня оставляют навечно живым.

¹ Омда – старейшина в Судане.

Хамады

Визиту кочевники были не рады:
Их скрытную жизнь ограждают хамады¹,
Как стражи в дозоре, застыли останцы,
Чужие мы здесь, мы враги, самозванцы.

Седой вулканический конус Тахат
На нас опустил удручающий взгляд,
А ветер палящий, горластый шамсин²,
Ругался и гнал нас – он здесь властелин,

И тьма похищала щебнистую даль,
И солнце светило, как жжёный кропаль,
А жрица пустыни – старуха полынь,
Едва прошептала: «В хамадах не сгинь».

1 Хамады – каменные пустыни.

2 Шамсин или хамсин – пыльный, сухой, знойный ветер.

Призрак

У подножья горы Адауда,
У обманчивых каменных глыб,
Я увидел седого верблюда,
Я от дикого страха охрип.

Одинокий, он шёл по пустыне.
Я решил оборвать его век,
Два патрона в моём карабине
Но взмолился старик туарег:

«Этот призрак в Сахаре – хозяин,
Он приносит удачу в делах,
Он рождён у небесных окраин,
И его охраняет Аллах».

Фенек

Два дня провели мы в засаде,
Терпению приходит конец,
Вокруг пересохшие вади¹,
А он не явился, наглец.
Ну что ж, мы уедем обратно,
В пространство песчаных равнин.
И что-то сказал мне невнятно,
Хитрец, проводник, бедуин.

В руке четвертинка динара,
И смотрит с монеты фенек²,
Язычник мне больше не пара,
Меня обманул человек.

1 Вади – высохшее русло реки.

2 Фенек – самая маленькая лиса в мире, которая изображена на монете, достоинством в четверть динара.

Самум

Заснули берберы, верблюды, эрги¹...
Песчинки пропели: «Себя береги!»
И я оторвался от сказочных дум
В пустыню ворвался поющий самум.

Кипящий гонец аравийских пустынь
За миг захватил золотистую синь,
Он в небо метнул вековые пески,
И в пекле горчичном не видно ни зги.

От страха скулил кумачовый шакал,
Швырнул меня ветер в песочный навал,
В постели нагретой лежал я без сил,
Так с огненной песней самум² уходил.

1 Эрги – песчаные пустыни.

2 Самум – сухой раскалённый ветер, несущий пыль и песок. Перед наступлением бури начинаются «песни песков», явление это возникает от трения песчинок.

В лабиринте воды и песка

Бледный ливень заполнил уэды¹
В лабиринте воды и песка,
Натирают промокшие кеды,
Только ветер на дне рюкзака.

Спрячут нас изумрудные дома²,
Износилась в дороге джубба³,
Три недели с тобою знакомы,
Для меня ты всего лишь раба,

Ты – причуда в скитаньях аскета
И цена тебе ржавый миллим⁴,
Ожидала ты в горе рассвета...
Иноземец тобой не любим.

1 Уэды – сухие долины в пустыне.

2 Дома(ы) – род пальмы.

3 Джубба – верхняя одежда с широкими рукавами.

4 Миллим – мелкая монета.

На земле Хама

И ничтожность свою осознав,
Обновляя гранёную стопку,
Я слезами украшу рукав,
Расцелую в сердцах эфиопку.

Наливайте капустный рассол,
Охмеляют амхарские речи.
Отмечает в любви богомол
Рождество Иоанна Предтечи.

Я в Россию билет не порву,
Не держи меня Аддис-Абеба,
Наплевать на мирскую молву,
Принесите мне чёрного хлеба.

Плод страсти

И в зелени колкой душистого дрина
Сходила обугленных мыслей лавина.
Нобатия где? Где Алоа? Мукурра?
Исчезли де факто, исчезли де юре,
Искать бесполезно в сусальной пустыне.
Христиан не осталось, их нет и в помине –
Безлюдьем владеют нубийцы, нилоты...
Под властью Ислама сияют пустоты,
На тысячи миль православный один:
«Плод страсти» Иисуса заснеженный дрин¹...

¹ Дрин – этот знак был назван «плодом страсти» за сложный и красивый белый цветок, который напомнил миссионерам страсти Христовы на распятии. В VII веке н. э. Судан представлял собой разрозненные христианские королевства: Нобатия, Алоа, Муккура.

Муаллим

А. Щ.

Ты присела ко мне, дорогая,
Два угля прогорели во мгле,
Нас от ливня укрыла дирая¹,
Я в раздумье курил наргиле².

Тело милой – священная Мекка,
Хадж любовный ещё впереди,
Мы с тобой до скончания века.
Ты сказала: «Прошу, подожди...»

Ждать тебя – это радость, но всё же
Ты забыла, что я муаллим³,
Для меня ты свободы дороже,
Все сомнения женщины – дым.

Завтра мы уезжаем на север,
Я снимаю бордовый тарбуш⁴.
Там с фиалкой обнимется клевер,
И с женой обвенчается муж.

1 Дирая – национальная длинная рубаха.

2 Наргиле – разновидность кальяна.

3 Муаллим – учитель, учёный.

4 Тарбуш – головной убор.

Павший у Аламейна

Огонь, нацисты, приступ рвоты,
Искрится пепелище книг,
Пылают Гейне, Тютчев, Гёте,
И к небу рвутся вопли: «Зиг!»

Кричат «Хайль, Гитлер!» мои дети,
Мой судный час, гнетёт позор.
Явился в Вифлеемском свете,
Король нубийский Мельхиор,

Каспара вижу, Бальтазара,
Филолога из Кёльна труп,
Могилей стала мне Сахара¹,
Испепелил грехи хабуб².

1 В Кёльнском соборе находится, ларец трех королей, в котором хранятся мощи трех святых королей (трех волхвов): Каспара, Мельхиора и Бальтазара.

Аламейн – Битва при Эль-Аламейне, сражение Второй мировой войны, в ходе которого британские войска разгромили североафриканскую итало-немецкую группировку осенью 1942 года.

2 Хабуб – сильный ветер из песка и пыли.

Покидая Чад

Чернеет в печали нагорье Тибести,
Пустыню укроет лиловый закат,
Забудется всё, кроме долга и чести,
И высохнет зеркало озера Чад.

Мне грустно в дороге, поёт алгаита¹,
С прощальными танцами м'бесси и н'дон².
Ты, Африка, в прошлом, но ты не забыта,
Трубит из саванны скучающий слон,

Сияют огни полусонной Нджамены³,
Предскажет мне счастье ручной пеликан,
И где-то на Родине ждут перемены,
И чёрным тюльпаном расцвёл в небе «Ан».

1 Алгаита – музыкальный инструмент (тип гобоя.)

2 М'бесси и н'дон – национальные ритуальные танцы.

3 Нджамена – столица республики Чад.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

*Печальные годы отчизны попробуй, стерпи
Не требуя славы себе, не желая наград
Ты сам отголосок великой восточной степи
Скажи, Видади, для кого собирал виноград...*

Прочтя первую книгу стихов поэта Александра Орлова, невольно думаешь, что поколение пишущих ныне новых поэтов – это поколение, практически не помнящее СССР.

Та прежняя страна превратилась для них в какую-то давно покинутую Итаку, известную лишь по рассказам старших. Или в монгольскую степь, которая для кочевника, за годы пути зашедшего в Европу, стала местом мифическим, а реки этой степи стали огромными, и её травы стали непроходимыми дебрями, и её снега превратились в бездонные мягкие материки.

Можно ли быть кочевником, продолжая жить в том самом городе, где родился? Думается, что это никакое не противоречие. Потому что время, то самое измерение, в котором разворачивается наша жизнь, никогда не стоит на месте, и побуждает нас к движению, и мы передвигаемся во времени, и холодные ветры прошлого неуклонно толкают нас в спины. Мы кочуем, и меняются пейзажи, и окружающий климат, и предметы вокруг нас, и мы непременно меняемся тоже. Счастлив тот, кто понимает и принимает это состояние, и верит в то, что ничего нет

неизменного, кроме того, самого святого, что находится внутри нас.

Александр Орлов, книгу которого вы, дорогие читатели, только что прочли, истинно поэт русский и московский, но в его стихах неизменно чувствуется та часть кочевнической крови Чингизидов, что течёт в его жилах и побуждает его к непокою...

Поэт христианский, и его вера не требует доказательств – она абсолютно чиста и не замутнена никакими надуманностями. Поэт грешащий и кающийся, поэт любящий и непримиримый, способный к состраданию и самоиронии.

Или может и эта кровь тут не причём, а всё делает просто время, непобедимое и неумолимое, и тот ветер нашего общего прошлого, с редкими колючими снежинками и комьями оледеневшей грязи, влечёт поэта в бескрайнем каменистом пространстве его огромного города, ничуть не похожего на библейскую восточную степь.

Вокруг поэта шумят ветрами бесснежные пространства, а он движется всё дальше и дальше – к виднеющемуся на горизонте Арарату своей мечты и веры.

Амирам ГРИГОРОВ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Под занавес, перед рассветом...</i>	
<i>Предисловие Сергея Арутюнова</i>	3

АЛАЯ ТЕНЬ

«Распахните мне окна пошире...»	10
Чистейшая новь	11
Чужой.....	12
Московский кочевник	13
«Вьюга сеет небесные крохи...»	14
«Мы к этим встречам вечно не готовы...»	15
«Вот солнца вечернего сколы...»	16
Арарат моей мечты	17
Седой шалфей.....	18
«Запах осени влажен и едок...»	19
«Мне кажется, я в мир прозрачный врос...» ...	20
9:00	21
Таро.....	22
«Долгих ливней бесцветная хлябь...»	23
«Надежды на тебя я возлагал...»	24
Анфас.....	25
«Снегом плачет моё пальто...»	26
«Как хочется куда-нибудь уйти...»	27
«Дует ветер с размокших болот...».....	28

Андреевская набережная	29
Нескучный сад	30
«Я увидел тебя, стал, как хищник, проворен...»	31
«Кидает мокрый снег бегущая зима...»	32
«Мёрзлый пар опускается ниже...»	33
Кисс	34
Осенний мотив.....	35
«Раздаётся: “Постой! Обернись!” ...»	36
«Я как солнце явился с Востока...»	37
Вертиго	38
Харакири	39
Малахитовый просвет	40
Оливковые даты	41
Ханамати	42
«Распяты ветхое в оконной белой раме...»	43
«Свобода дикая, вульгарности любимица...» .	44
«Да хватит по плечу, дружище, хлопать...»	45
Дымчатый снег.....	46
Задиристый фарс	47
58-ая.....	48
Явь.....	49
Алая тень	50
«Серебряным налётом бахрома...».....	51

«Всё клубит на Вавилова ТЭЦ...»	52
Монастырская роща	53
Памяти отца	54
Ворота покоя	55
Письмо маме.....	56
«Прочитав «Колымские рассказы»...».....	57
Плёт Милосердия	58
«Провожает седой пономарь...»	59
Православный нойон	60
«Ты не знаешь как лучше, как хуже...».....	61

ФИАЛКОВЫЙ ДЫМ

Вороний хиджаб	64
Садык.....	65
Эфа	66
Памяти Кайса	67
Занджан.....	68
Джучид	69
Пленник Гюлистана	70
Ностальгия.....	71
Хамады	72
Призрак	73
Фенек.....	74
Самум	75
В лабиринте воды и песка.....	76

На земле Хама.....	77
Плод страсти	78
Муаллим.....	79
Павший у Аламейна.....	80
Покидая Чад.....	81
<i>Послесловие Амирама Григорова.....</i>	82

Отзывы на стихи присылайте автору по электронному адресу: dosiphey@yandex.ru

Александр Орлов
МОСКОВСКИЙ КОЧЕВНИК
СТИХИ

Редактор – *Евгений Степанов*
Компьютерная верстка, макет – *Марина Кива*
Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 1000 экз.
Сдано в набор 15.10.2011
Подписано в печать 30.11.2011

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол
Комсомольский проспект, 73.